

Елена Николаева-
Цыганкова

Чудеса во всём

Сборник сказок

Елена Николаева-Цыганкова
Чудеса во всём. Сборник сказок

«Издательские решения»

Николаева-Цыганкова Е.

Чудеса во всём. Сборник сказок / Е. Николаева-Цыганкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856988-3

Сказочные истории и сказки для детей и взрослых. Если вы любите волшебство и чудеса, то эта книга для вас. Ведь чем больше мы замечаем удивительного, которое вокруг нас и в нас, тем лучше становится мир.

ISBN 978-5-44-856988-3

© Николаева-Цыганкова Е.

© Издательские решения

Содержание

Глухой Лес	6
Волюшка	11
Вечерний разговор со звездой	15
Два царя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Чудеса во всём Сборник сказок

Елена Николаева-Цыганкова

© Елена Николаева-Цыганкова, 2017

ISBN 978-5-4485-6988-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глухой Лес

В Глухом Лесу они расстались.

Боялись люди Леса этого, но иногда самые отчаянные все же забредали сюда, хоть и недобрая слава окружала его.

Провожала Семерина своего суженого Плимаса в поход с воеводой Вотерей.

Скрылся из глаз Плимас, растворился в дымке утреннего тумана. И тут же из тумана будто вынырнула старушка с лукошком.

– Ну что, милая, проводила своего суженого? – обратилась к девушке старушка.

А Семерина и глаз поднять не может, все платочек к лицу прижимает, слезы реками полноводными бегут. Всхлипнула она, постаралась улыбнуться, негоже людям на слезы смотреть, да слабость свою показывать. И посмотрела на старушку.

– Да, бабушка, проводила я Плимаса в поход, воевода позвал всех воинов на границу княжества, беспокойно там нынче.

– Не переживай, голубушка, – молвила старушка. Помогу я тебе печаль твою пережить, не будешь ты мучиться и убиваться сильно так, поддержи мою клюку в руке, да и пройдет твоя горькая печаль, а там и оглянуться не успеешь, как твой жених вернется. И протянула свою клюку Семерине.

Семерина без раздумий, как за спасительную соломинку взялась за клюку. Уж так ей хотелось, чтобы Плимас уже поскорее вернулся.

И тут же превратилась в избушку на курьих ножках. А старушка приняла облик Семерины.

– Ну вот, милая моя, доверчивая моя красавица, – сказала старушка-колдунья, – теперь я твоего суженого буду ждать, и дождусь его. Уж больно он мне понравился. А ты стой тут себе тихонько. Лес-то все равно Глухой. Хоть обкричись, никто тебя не услышит. Не зря ведь зовут его Глухим Лесом.

А чтобы ты у меня не потерялась из Леса, посажу-ка я тебя на цепь. Да цепочка будет не простая, а золотая, но невидимая. Никуда ты из Леса и выйти не сможешь. Живи тут. А там посмотрим, что сделаем с тобой.

Рада была бы ответить старушке избушка, но не может.

А новоявленная Семерина, подхватив клюку и лукошко, направилась в деревню.

И потянулись дни ожидания возвращения из ратного похода Плимаса. Очень хотелось старушке-Семерине дожидаться Плимаса, да свадьбу с ним сыграть.

День за днем, неделя за неделей, вот и год почти минул.

Вот и настал день возвращения воеводы со своим войском в родные края.

Гордо развевались на ветру знамена княжеские. С победой вернулись воины. С песнями вошли они в родное селение. А по правую руку воеводы ехал верхом на гнедом коне Плимас. Пришелся по душе воеводе Вотере богатырь Плимас. Ух, и смелости было в нем, и ума, да и бесстрашием был полон он.

Ехал воевода к князю, с докладом о ратных подвигах на границе княжества, да с рассказом о небывалой силе Плимаса. Да награды хотел просил у князя для отважного воина-богатыря.

А Плимасу не терпелось милую свою Семерину увидеть. Шепнул он на ухо воеводе что-то, улыбнулся тот понимающе и махнул рукой, соглашаясь с Плимасом.

Сжав бока боевого коня коленями, Плимас вскачь пустился к дому своей суженой.

Ворвался он в дом, будто ветер. Поклонился отцу и матери Семерины, а милую свою не увидел в доме.

– На речку ушла, видать, – молвила мать, – теперь она часто на берегу реки сидит. Сходи туда, может там её и найдешь.

Не думал Плимас, что ему надо будет искать свою суженую, думал, что будет ждать его, слезы проливая у окна, да встретит его у порога дома. Но не всегда, видно, случается так, как в мечтах представляется.

У реки и вправду сидела девица. Обернулась она, услышав сзади шаги. Вскочила, да бегом бросилась навстречу Плимасу.

Обнялись они. Да вдвоем теперь на бережку сели. Разговоры длинные вели, все за руки держались. Хоть и насторожился было Плимас, из-за того что глаза Семерины иногда излучали надменность и холодность, но не придал он этому значения, времени-то много прошло, мало ли что случиться могло, надеялся он, что со временем уйдет из глаз суженой это новое для него и непонятное пока чувство превосходства-отчуждения.

Вечером расстались с девицей. Плимасу надо было к князю в княжеский двор прибыть, обещался воеводе.

Распрощались они, и Плимас, вскочив на коня, скрылся за поворотом.

На дворе князя шел пир. Праздновали победу воеводы и его дружины.

Обрадовался воевода прибытию своего могучего дружинника. Представил Вотеря князю богатыря Плимаса. Много слов добрых слов о ратных подвигах воина рассказал. Подивился князь рассказам, очень рад был он, что в дружине полное единство царит, да богатыри такие водятся.

И решил наградить Плимаса, узнав, что тот собирается жениться, наделом земным с лесными угодами.

Решил, да тут же бумагу и написал. И отходил по той бумаге богатырю надел с Глухим Лесом.

Плимас был очень рад такому подарку-награде. Он уже представлял себе вместо дремучего и темного Леса большое ржаное поле все-все в маках и васильках, а за полем лес, но не такой, как сейчас – страшный, а светлый, звонкий, сосновый, пронизанный солнечными лучами насквозь. А по полю бежит к нему Семерина, а вот и дети наши бегут, и увидел детвору, которая наперегонки бежала к нему, смеясь и радуясь отцу. Всё это за мгновение представил Плимас. Очень мечта эта яркая пришлась ему по душе.

Поклонился низко он князю и воеводе. Поблагодарил их от всего сердца за доверие и за честь, которую ему оказали.

А пир продолжился почти до полуночи. Ну тут и ночь наступила, и разошлись ратники по своим домам.

И Плимас вернулся в отеческий дом, когда уже звезды сияли в небесной выси.

Мать его еще не ложилась. Ждала. Сердцем чувствовала, что сын появится.

Потихоньку прошел Плимас в дом, боясь разбудить мать. Но увидев, что мать сидит на лавке у печи, подскочил к ней, схватил на руки, закружил её по дому, рассмеялся звонко, расцеловал её.

– Мама, матушка, милая моя, к тебе должен быть заехать в первую очередь, прости, что так поздно вернулся. Но ты ведь знаешь, что и к Семерине хотелось мне заглянуть, да к князю во двор тоже надо было явиться.

– Неужто, сынок, я виню тебя? – удивилась мать. – Дело молодое твое и понятное, а князя не уважить нельзя, ты прав. А я тебя всегда дождусь. Я же матушка твоя, а материнская доля такая и есть: ждать, верить, надеяться да любить. Так что не печалься зря, сынок.

Почти до утра сидели мать с сыном рядышком. Все наговориться не могли, да насмотреться друг на друга. Рассказал ей сын про походы свои, про подарки княжеские и награды полученные, про Семерину тоже сказал, и добавил, что заметил в девице какие-то непонят-

ные ему новые взгляды, в которых царила не то чтобы отчужденность, но какая-то холодность и надменность.

Матушка поведала ему историю своей жизни без него. А про Семерину сказала, что после отъезда Плимаса в поход ратный все заметили изменения в девице. Особенно её родители. Потому как скотина, которую раньше кормила и поила Семерина, криком стала кричать, только стоило Семерине зайти в хлев. Не давали коровы ей молока, козы разбегались в разные стороны, кони лягались. Но потом родные решили, что так на Семерину подействовал твой отъезд в поход и переживания её. И не отправляли её больше к скотине ни на дойку, ни для кормления её.

– Знаешь что, сынок, давай-ка мы проверим твою суженую, – сказала мать, пытливо смотря на Плимаса, – есть у меня травка, называется сон-трава, если её выпить в полнолуние, да сказать в полночь Семерине: «Явись в истинном облике», то может и увидим, кто завладел душой девицы. Если же нам всё кажется, то и бояться нечего, Семерина останется собой, а уж если кто принял вдруг облик её, то уж он тут же покажется-явится.

Задумался Плимас. Глубоко задумался. Сидел, тер лоб, переживал, за Семерину, за себя, за матушку, за родителей девицы. Всё ему казалось, что неправильно что-то сделано им. Да и поить Семерину сон-травой ему не хотелось.

И тут ему пришла мысль о том, что надо начать как раз с Глухого Леса. Ведь там они расстались с Семериной перед его походом с воеводой.

За эту мысль он крепко ухватился.

Сказал матери, что пойдет прогуляется по росе, подумает ещё, зайдет в Лес Глухой, может там находится разгадка тайны взглядов отчуждения его суженой. Обнял он мать напоследок и вышел из дома.

Пичуги на все голоса славили рассвет. Солнце еще не встало. Природа просыпалась от ночного сна. Густой утренний туман висел над полем, заползая местами в Глухой лес.

Покусывая травинку, в раздумьях глубоких Плимас дошел до леса. Оглянувшись на поднимающееся солнце, попросил его помощи. Солнце будто услышало призыв, и поднялось над горизонтом, давая силу надежды.

Вот и тропка наша, вглядываясь под ноги, думал Плимас. Вот и елки наши, под которыми ежи любят дремать.

Ооооо, а это что такое? – удивился Плимас, увидев избушку на курьих ножках, стоящую за елками. Кто построил это чудо-чудное?

Подошел поближе. Обошел избу со всех сторон. Избушка была маленькая, аккуратная, в оконцах избы висели занавески цвета юного весеннего неба. И очень напомнили ему сарафан его Семерины. Именно в таком одеянии она провожала его.

Постучал он в избушку. Никто не ответил ему. Лишь избушка переступила с ноги на ногу.

Подергал он дверь, открылась она. Зашел он в сумерки дома. Осмотрелся. Заметил дрова у печи и растопил печь. Ведь огонь живой, может он поможет ему найти отгадку.

Весело принялись гореть дрова. Затрещали в печи. Пыхнула печь дымом сначала в избу, не топлена была давно, а потом дымок пошел и из трубы.

Присел молодец-богатырь на лавку у стола, смотрит, а скатерть-то ведь платок Семерины, ведь именно такой платок был накинут на плечи суженой, ведь в таком она провожала его.

Мысли его туго и медленно пытались соединиться в единую картину. Не получалось им пока сложиться.

И заговорила тут печь языком человеческим: «Спасибо тебе, родной мой, что пришел ко мне, что увидела тебя живым и здоровым, но вижу милый, что несчастен ты, и причину знаю, знаю, но сказать боюсь».

– Ты ли со мной говоришь, Семерина? Ты ли? Сердце мое! Любимая моя! – бросился Плимас к печи.

– Я, мой милый, да, твоя Семерина, заколдована старушкой-колдуньей, она завладела моим обликом, а меня превратила в избушку на курьих ножках, да на цепь золотую посадила, да цепь-то та не простая, невидимая, но не дает мне с места уйти. Да и Лес наш Глухой, сколько бы я не кричала, не слышит зова моего никто. А если кто и забредает сюда случайно, то подойти к избушке бояться. Лишь ты один не побоялся, зашел, печь затопил, меня огнем оживил, дал мне огнем этим с тобой говорить.

– Что же делать нам, милая моя, как мне тебя вызволить из плена колдовского? И зачем старухе понадобилось тебя в избу превращать?

Рассказала Семерина, что приглянулся колдунья богатырь, хотела обманом заполучить его в мужья. Потому и околдовала её и в лесу на цепи оставила.

Рассказала еще Семерина, что ходят по лесу волки, но не свирепые, они рассказали ей, что они заколдованные богатыри, эта старушка-колдунья сначала их так же уводила обманом от суженых, а потом уж околдовывала молодцов себе для воинства лесного и темного. Не нуждается она ни в красавицах, ни в богатырях. Видит она в них только слуг своих. Вот и озлобленная ходит по миру, колдует и околдовывает. Пытается она красоту и силу людскую себе на служение поставить, но не на светлое служение, а на темное.

Но есть у меня мысль такая, – продолжила Семерина, – заколдовала меня эта старушка клюкой своей. Значит, и сила её в клюке. Найти бы клюку ту. И думаю, что тогда и колдовство исчезло бы, а может, и злодейка вместе с ним.

Наговорился Плимас с Семериной-избушкой. Поцеловал печь, обнял крепко. Уходя, сказал: «Верь мне, родная, вернись, жизнь свою положу за тебя, вызволю тебя из плена колдовского. Не печалься, не грусти, не лей напрасно слез. Мы рождены, чтобы быть счастливыми, и мы обязательно будем счастливы!»

Осторожно прикрыв дверь избушки, он быстро направился к селению.

С утра Плимас уже был во дворе родителей Семерины. Решил он проверить Семерину колдовскую. Вышла девица с утра во двор, улыбнулась молодцу, да улыбка-то кривой вышла, неискренней.

Обратился к ней молодец: «Напой меня молочком парным, девица», а сам ждет дальнейших её действий.

Остолбенела Семерина, да опрометью бросилась к хлеву. Молодец бегом за ней. Скотина, запертая на ночь, заревела так, будто мучают её страшными мучениями, заскочила Семерина в хлев, там над притолокой у входа была её клюка, спрятанная от глаз людских, схватила она её крепко. Схватила, да злое закричала: «Не подходи ко мне, страшилище, не подходи, заколдую, пропадешь ни за грош!»

Да не из боязливых был Плимас, одной рукой схватил колдунью, а другой клюку её. И так в родительский дом Семерины протиснулся. А мать девицы уже и печь затопила, жарко пылает огонь в печи.

Плимас, недолго думая, сунул клюку в печь, а колдунью из рук не выпускает.

Занялась клюка огнем, стала извиваться в печи, будто змея живая. Заверещала в руке у молодца колдунья, стала тоже извиваться, из рук вырываться. Но крепко держит её молодец. Не дает ей выскользнуть. Прогорела клюка, рассыпалась в прах, ничего от нее не осталось.

Смотрит Плимас, а в руке, что колдунью держала, только тряпка негодная осталась, кинул он и эту тряпку в огонь. Зашипела печь, вспыхнул огонь ярче, и не осталось следа от колдовства.

Мать Семерины, не ожидая такого действия, замерла будто во сне.

Плимас, не теряя зря времени, бросился к Глухому Лесу. Там его любимая, там его суженая.

Добежав до елок, где избушка стояла, увидел он Семерину, настоящую, исчезла избушка, лишь цепь не исчезла, пусть и невидима она, но с места сойти не дает.

Подбежал к девице богатырь, хочет увести её, хочет взять на руки. А цепь огромная мешает.

Упал он в ноги к суженой, целует её башмачки, шепчет и шепчет: «Ты свободна, упадите цепи!»

И чудо случилось. Рассыпалась невидимая цепь. Шажок сделала Семерина, потом другой. И побежали они вдвоем из леса. Побежали по полю золотому, смеясь и радуясь свободе, жизни, цветам и любви!

А потом их селение наполнилось богатырями могучими да девицами-красавицами, теми, которые были околдованы в незапамятные времена и были на веки вечные обречены жить в Глухом Лесу, но и с них упали чары злой колдуньи в тот миг, когда огонь поглотил клюку и её саму.

И до сих пор славятся эти края красавицами и богатырями.

Волюшка

Много лет и зим минуло с той поры, о которой сказ поведу.

В одной очень-очень далекой стране, за морями, да лесами дремучими, была деревенька маленькая. И жила в этой деревеньке семья: муж с женой, и был у них сын. Звали его Волюшка.

Смышленный такой мальчишка рос, в лес любил ходить, мог днями там пропадать, всё ему там интересно было. Разглядывал каждую травинку, каждый листик, с каждым деревом был на «ты». Матушка и батюшка не боялись его туда отпускать, он в лесу как родной деревне был.

Иной взрослый мог и заплутать там ненароком, то кикиморы из болотца морока наведут, то леший тропинки запутает, а Волюшка всегда понимал лес, он даже шепот его понимал и внимал ему, как человеку. А ведь так и ведётся с давних пор, кто внемлет, тот и знает, понимает.

Волюшка был мастер на все руки, несмотря на своё малолетство, он всегда что-то мастерила из деревьев, поваленных бурей, да из сучьев сухих. И выходило обязательно что-нибудь нужное по хозяйству, или же весёлое и смешное. Вырезал он фигурки забавные, то сову вырежет так, что и от настоящей отличить её можно, только потрогав её, то белку выстругает так, что хоть в лес неси, да знакомь там с настоящими белками.

Для всего селения мастерила он и корыта для теста, и совки, бочки, жбаны, чаши, миски, ложки. То он для матери ложку вырежет на длинном-предлинном таком черенке, что мать может мешать кашу не заходя домой, прямо со двора, Мать и радуется, и смеётся от его умения. То мальчишка свирель смастерит для пастуха. И свирель-то удивительнейшим образом волшебная получается.

Все коровы слушают её мелодию, зажмурив глаза от удовольствия, до того им напев её нравится. Раньше-то коровы разбредались по лугу, когда не было ещё у пастуха такой свирели, а теперь и не отходят далеко. А если какая корова и забудется, задумается о чём-то своем коровьем, или солнышком разморит её и она вдруг и отобьётся от стада, то стоит пастуху поднести свирель к губам и начать выдувать мелодию, как отбившаяся корова сразу же идёт на этот волшебный звук.

И даже молоко коровы с той поры стали давать вкуснейшее, сладкое. За молоком приходили и приезжали из окрестных деревень, говорят, оно помогало немощным скорее выздороветь.

Отец Волюшки на кузне кузнецом был. Всё хотел сына к своему умению приучить. Да не выходит никак. Не лежит душа у сына к кузне. А неволить нельзя. По душе ведь все занятие себе выбирают. Так принято было в те далёкие времена, в той далекой стране. Железо становится послушным тому, кто толк в нем имеет. Так и дерево становится послушным для того, кто его душу знает. Поэтому в той далекой стране всё было хорошо, всё ладилось. Но так случилось, как и везде, наверное бывает, ведь и на солнышко тоже набегает тучи. Так и тут, печаль пришла, откуда её не ждали.

Как-то раз Волюшка бродил по лесу да к полудню вышел на излучину реки. И наткнулся на берегу на одинокого старца. Был он печален безмерно. Сидел смотрел на воду, шептал кому-то неведомому непонятные слова. И столько в этих словах было горести, что слезы всей земли не могли сравниться с его печалью.

В руках старика был посох деревянный старинный резной, а ведь Волюшка понимал знаки деревьев, и совсем неважно, что посоху было может было семь, а может и более веков, язык дерево не теряет никогда. Так и получилось, что мальчик узнал историю печали старика, стоило старику лишь прикоснуться к посоху, тут же язык деревянного посоха передал всю историю Волюшке.

Оказалось, что у старца пропала единственная и самая любимая внучка Любушка. Старик исходил уже все земли родные и чужеземные, заходил во все города заморские, побывал

во всех лесах дремучих, чащах непролазных, но нигде не нашел Любушки. И понимая, что лета его на исходе, он просил для Любушки лучшей доли, понимая, что не сможет ей помочь, хоть умел он многое.

Он болезни людские и звериные понимал и лечил, он скотину заблудившую везде находил, отвары делал для больных и скорбящих. Но внучку найти не мог. И понять не мог, отчего же так происходит. Молил он, всеми силами своей души, духов лесных и водных сохранить Любушку, раз уж он найти её не может. Подняв свои покрасневшие от слез глаза на Волюшку, старик каким-то таинственным образом вдруг понял, что мальчик, появившийся на берегу, сможет ему помочь.

– Волюшка, доброго дня тебе, – обратился к нему старец, – знаю и ведаю я многое, – продолжил он, – знаю также, что не зря ты забрёл сюда, да и меня судьба недаром привела к тебе. Только ты один во всём мире можешь помочь отыскать мою Любушку.

Говорил я только что с Водяным, он то и подсказал мне, что сейчас я увижу спасителя моей внучки. Сказал он мне ещё, что унес ветром буйным Чудо-Юдо Любушку к себе в царство, но только тот может спасти Любовь, кто изобьёт свои ноги в кровь, износит семь пар лаптей железных и сможет потом отдать всё самое-самое дорогое, просто так отдать, потому что это кому-то другому нужнее.

Волюшка так сильно захотел помочь старцу вызволить из заточения Любушку, что согласился пойти на службу к Чуду-Юду невиданному, у которого томилась в неволе Любушка.

Сборы были недолгими, хоть и вытирала слезу горькую мать потихоньку, чтобы родные не видели, но собрала Волюшку в дорогу дальнюю. Отец принес из кузницы лаптей железных семь пар. Простились они ранним утречком, солнышко только один лучик показало, как Волюшка, благословленный родителями, пошел на поиски Любушки.

Долгими ночами и днями пробирался мальчик через леса дремучие, и горы высокие. Лаптей шесть пар износил. Но никто, ни звери лесные, ни водяные, ни лешие не могли ему помочь и подсказать дорогу к царству-государству заморскому, где по древнему преданию жило Чудо-Юдо ужасное.

День сменялся вечером, вечер ночью. При неясном свете луны думал Волюшка: Верен ли мой путь? Как понять? Но сердце ему подсказывало, что верен путь, хоть труден и долог.

Лес стал редеть понемногу, превратившись однажды почти в кустарник, столь малы стали ростом деревья. Увидел Волюшка вдали мерцающее, блестящее при свете ночного светила, огромное море-океан. Прилег Волюшка в пушистый и пахучий мох на сопке, а дума о неведомом Чуде-Юде не покидала его.

– Как же добраться-то до тебя? – думал он, – как Любушку вызволить из плена твоего?

Как вдруг, совершенно неожиданно услышал он трубный голос. Будто будил его он. Повернул Волюшка голову в сторону звука призывного и увидел серебряное, колышущееся море. Именно отсюда шла Песня. Песня оленей северных! Победная песня оленей!

Вожак стаи, отделившись от стада, подошел к мальчику, склонив перед ним голову, молвил: – Знаем о тебе, Волюшка, знаем, и давно ждём тебя. Посланы мы Любушкой сюда, она нас отправила встретить тебя и проводить в чертог Чуда-Юда. Она воспитала наших детей, она пела песни нам долгими ночами, она вплетала в шерсть нашу серебро своей Любви к Миру и людям добрым, она научила нас быть стойкими и верными долгу нашему. Мы должны отплатить ей тем же.

– Садись на меня, – сказал вождь стаи, – держись крепче за рога, я доставлю тебя прямо во дворец Чуда-Юда.

Зазвенели бубенцы, привязанные на шеях оленей, разлилась по округе песня серебряная, колокольчиковая. И воздух пришел в движение. Он будто подхватил оленей своей силой. Взмыл в небо вождь стаи, а за ним и стадо олень, понеслись они над морем-океаном в царство-государство неведомое.

Долго ли, коротко ли было их путешествие по небесным далям, но вот и показалась вдали твердь земная. Опустились олени на землю. А земля-то черна и неприветлива там. Ни травинки, ни цветочка, будто огонь прошел, всё испепелил. Припал Волюшка к земле ухом, услышать хотел зов земли, что поведает ему она. Услышал лишь вздох тяжелый, будто ранена земля и помощи просит.

Топнул Волюшка ногою крепко. Да сказал громко, на всё государство-царство разнесся его голос:

– Не бывать Чуду-Юду царем на земле, где бы царство его не было. Выручу! Обязательно выручу! Спасу Любушку! Негоже в таком месте жить-быть.

Вспыхнул перед ним огонь, а из огня-пламени появился Чудо-Юдо трехглавый! Дохнул на Волюшку смертельным огнём, а Волюшка только ростом стал выше. Дохнул на него в другой раз Чудо-Юдо, а только у Волюшки кольчуга серебряная появилась, а последний раз дохнул огнем на него Чудо-Юдо ужасное, но этим-то он и увеличил силу богатырскую в молодце красном.

Взмахнул булавой Волюшка, и только от одного движения этого закачался Чудо-Юдо. В другой раз взмахнул булавой молодец – иссох Чудо-Юдо. А уж когда в третий раз взмахнул булавой Волюшка, то превратился Чудо-Юдо в жука. Взмолился тогда Чудо-Юдо: оставь ты меня, молодец, на свете белом, не трону ни одной букашки, обещаю помочь тебе вызволить Любушку из подземелья моего дворца. Ведь без слова волшебного не справишься тебе.

Завернул Волюшка жука-Чудо-Юдо в тряпицу, да в карман положил. И направился тотчас же ко дворцу Чуда-Юда. Дворец, конечно, был красив, но красота его была темна.

– Вот если бы отмыть всё от копоти, да от пыли, засиял бы он тогда красотой своей, – подумал Волюшка.

И не понадобилось слово волшебное Чуда-Юда. Засовы на двери его подземелья разрушились сразу, только стоило Волюшке дотронуться до них ладонью. Рассыпались в пыль все замки. Пахнуло из подземелья влагой, но услышал он голос звонкий, поющий песню Жизни, песню Любви к жизни. И пошел он на этот голос. Спустившись по каменным ступеням, он остановился в нерешительности, потому что не видал такой красоты нигде в Мире. Перед ним, как ему показалось, Солнце сияло ясное, и пело песню сияющую и прекрасную!

Обернулось Солнце, и оказалось девушкой невиданной красоты, с ликом светлым и ясным, будто зорька утренняя. Будто и зная, что сейчас она увидит, склонила голову Любушка в приветствии своём, склонила, да и молвила, ждала я тебя Волюшка, и знала, что придёшь ты освободить меня из плена чародея. На роду так у меня написано было.

Вышли молодец и девица из подземелья ужасного на двор, под небо синее, да под солнце ясное. Тотчас же дворец мрачный преобразился, стал он белее снега.

И выросла перед ними радуга-дуга! Побежали стремглав по радуге они! Смеясь и радуясь свободе! Зазвенел воздух кругом серебряным звоном!

Взмахнула рукой Любушка, посыпались с небес искорки, золотишки-серебришки, звездочки, будто маленькие искрящиеся, радужные солнышки. Падали они на всю Землю, падали и попадали в сердца людей.

Взмахнул рукой Волюшка, и растаяли снега вечные, кончились ночи темные и печальные.

Чудо-Юдо был достан из тряпицы (оказался при этом милой божьей коровкой, видимо и на него попали искорки сияющие), и был с радостью отпущен на луга.

И вернулись Волюшка с Любушкой в родные края. Дедушка Любушкин, с тех пор, как ушел Волюшка на поиски его внучки, жил в деревне с родителями Волюшки, вечерами долгими сказы старинные да были рассказывал детишкам в селении, обучал грамоте их, да письму.

Уж как были рады родители и дедушка возвращению возмужавших своих Волюшки и Любушки, ни словом сказать, ни пером описать.

Все музыканты, певцы народные слагали гимны в честь победы над тьмой неведомой!

Везде с тех пор, как Любушка вместе с Волюшкой рассыпали с радуги-дуги свою песнь искрящейся Жизни-радости, царит Мир, да Любовь!

Вечерний разговор со звездой

Однажды летним вечером, я пила чай у окна и смотрела на загорающиеся за окном звёзды. Это было так необычно! Как будто их кто-то включал, одну за другой! Их становилось всё больше и больше. И даже одна очень маленькая, но очень яркая звёздочка подмигнула мне! Сначала я подумала, конечно, что может она, подмигнула кому-то другому, ведь иногда люди смотрят на звёзды и, возможно, даже разговаривают с ними. Я на всякий случай, зажмурила глаза, и переспросила эту маленькую звёздочку:

– Это Вы мнЕ подмигнули? И снова открыла глаза.

И она мне ответила!:

– Да-да тебе!

О, как о многом я хотела спросить у звёздочки, ведь, наверняка она знает очень много интересного, ведь она живёт так далеко или высоко (даже не знаю, как будет вернее). Я тоже бы могла рассказать ей, какое бывает вкусное мороженое, как здорово смотреть на солнце через цветное стёклышко, как можно здорово спрятаться, чтобы никто тебя не нашёл долго-долго. И ещё о том, что у меня есть очень ласковый кот, а шерстка у него шелковая-шелковая, он поёт мурлыкательные песни, он ловко охотится на мышек, а ещё мне кажется, что то, о чём он поёт, я понимаю. Он поёт о любви ко мне и солнцу, он рассказывает мне, что делает, когда я сплю, а он мечтательно смотрит в окно, прямо, как я сейчас. Да, а он, наверное, тоже умеет говорить со звёздами.

– Скажите мне, пожалуйста, милая звёздочка, а вы любите разговаривать с девочками и котами?

– Конечно, – ответила мне звёздочка. Просто не все знают и понимают наш звёздный язык. Раньше, давным-давно, все люди умели говорить со звёздами и все понимали их язык. Но потом прошло очень много времени, случилось много разных событий и историй, и людей очень увлекли какие-то другие дела, они стали редко смотреть на небо, особенно вечерами, и потихоньку стали забывать язык знакомый им с детства. Теперь только дети, и коты – это точно, понимают язык звёзд.

– Звёздочка, а вы сможете мне помочь не забыть звёздный язык? То есть я, конечно, хотела сказать, чтобы я помнила его всегда?

– Это зависит от тебя, пока ты понимаешь, о чём поют коты, ты не сможешь забыть и наш язык!

– А можно ли мне говорить с вами почаще?

– Конечно, ты можешь разговаривать с любой из нас, тогда, когда сама пожелаешь!

Два царя

Жили-были два царя. По-соседски жили, рядышком. Только забор разделял царства-государства этих царей.

Один царь был весельчаком. Любил песни петь, стихи декламировать, да и сплясать, выйдя с крыльца королевского, для него было в порядке вещей.

Царство его было полно радости. Веселился не только царь. Глядя на него, на его веселый характер, все жители его царства-государства веселились от души, кто как мог.

Они, веселясь и смеясь, красили заборы разноцветными красками, сажали цветы таких сочетаний, что в глазах стояла цветная радуга. Девчонки и мальчишки были одеты в цветную одежду. Домики, построенные в этом городке, были чистенькие и такие веселые, что хотелось смотреть на них и улыбаться.

В царстве веселого царя всё подчинялось только радости. Коровы с радостью приносили молоко. Молоко было такое, что выпив кружечку такого молока от веселой коровы, все приезжие становились веселыми и смешливыми. Их было не унять от смеха и радости.

Шерсть от тамошних веселых овечек помогала весело согреть ноги в зимнюю пору. Из шерсти еще делали веселые и цветные валенки. В них было исключительно весело бегать и кататься с ледяных горок и лепить веселых и озорных снеговиков.

Бабушки и дедушки в этом веселом царстве обладали удивительно веселыми характерами. Они так заразительно смеялись, что их любимцы коты подхватывали их смех веселый и разносили по округе. Мыши, услышав радостный смех котов, смеялись в своих норках так сильно, что услышав их смех, им вторили в своих глубоких норах подземные жители-кроты!

Царство это было такое... Такое... Веселое и разноцветное!

Другой царь был очень серьезным. Любил с серьезным лицом ходить по двору царскому. Думал о серьезных делах очень серьезно. Все подданные его царства тоже следовали примеру царя. И все ходили очень серьезные. Ни одной улыбочки было не увидеть ни на одном лице. Коровы давали серьезное молоко. Если заезжие люди выпивали такое молоко, то сразу же становились задумчивыми и серьезными.

Дома в этом царстве были серьезными. С серыми и серьезными лицами. Заборы, под стать домам, были тоже серыми и серьезными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.